

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

...вы ужаснетесь невосприимчивости человеческой природы к правде, когда правда ясна и очевидна.

*Из защитительной речи
Н. П. Карабчевского
в судебном процессе по делу
Мироновича*

Самонадеянность всегда слепа.
Сомнение же — спутник разума.

*Из защитительной речи
Н. П. Карабчевского
в судебном процессе по делу
братьев Скитских*

ГЛАВА 1

1983 год

По борьбе с преступностью новый министр внутренних дел Федорчук нанес несколько сокрушительных ударов. Первый был «пробным»: главный милиционер страны заявил, что никакая научная деятельность, кроме разработок криминалистической техники, в МВД не нужна, а те, кто этой самой наукой занимается, просто-напросто проедают государственные деньги и просиживают штаны. Сразу же вслед за этим заявлением последовало указание существенно сократить ВНИИ МВД, а также ликвидировать Научный центр в Ака-

демии, где работала Вера Леонидовна Потапова. Ликвидировать полностью. Без малого 300 человек — офицеров с высшим образованием и, в большинстве своем, с учеными степенями — надо было где-то трудоустроить, причем именно внутри системы, потому что уволить их было нельзя.

И, как назло, в этот момент на стол министра легла очередная докладная записка с предложением перечня мер, необходимых для повышения эффективности исправления и перевоспитания осужденных, имеющих аномалии психики. Министр не потрудился вникнуть в суть, увидел два знакомых слова — «осужденные» и «психика» — и сердито прервал того сотрудника, который докладывал материал:

— Что за бред! В наших колониях невменяемые наказание не отбывают, и никаких психических заболеваний у осужденных быть не может.

Этого оказалось достаточно, чтобы на следующий день Веру Леонидовну вызвали в Ученый совет. Ее диссертация с защиты снималась.

Совершенно растерянная, она позвонила научному руководителю с вопросом: что теперь делать?

— Писать новую диссертацию, — невозмутимо посоветовал маститый профессор. — Материалов у вас более чем достаточно, измените название, уберите из текста все упоминания об аномалиях психики и сделайте

акцент на устойчивых индивидуально-личностных особенностях, уйдите в пенитенциарную психологию. За пару месяцев справитесь.

За пару месяцев! Конечно, текст она отредактирует, частично перепишет, но ведь на этом проблемы не заканчиваются. Надо утверждать на Ученом совете новую тему, предварительно обсудив ее на кафедре. Надо напечатать новый текст, написать новый автореферат, снова пройти обсуждение на кафедре и мучительную процедуру сбора и подачи нового пакета документов для представления к защите. И все это при том, что она, как и все сотрудники Научного центра, находится «за штатами»: в течение двух месяцев им будут платить зарплату полностью — должностной оклад плюс надбавка за звание и выслугу лет, потом еще два месяца — только за звание и выслугу, и еще два месяца они могут числиться на этой службе уже без всякого денежного содержания. Полгода на то, чтобы найти другую работу в системе МВД. Как разгребать эту кучу проблем — Вера представляла плохо.

Тем временем всех выведенных за штат офицеров стали по очереди приглашать в отдел кадров для решения вопросов их трудоустройства. Начали, разумеется, с начальников отделов и их заместителей: им предлагали места получше. Затем пришел черед ведущих научных сотрудников, после них взялись за «старших» и «просто научных», которые

обеспечивались должностями уже по остаточному принципу. Подполковнику Потаповой предложили место начальника инспекции по делам несовершеннолетних в одном из районов Калининской области.

— Вы же работали в отделе предупреждения преступлений, вот и займитесь профилактикой на практике, примените свои научные знания, — ехидно улыбаясь, сказал молоденький кадровик.

— Я могу подумать?

— Конечно, только недолго. Часа два вам хватит?

Он издевался над ней и упивался своей властью так неприкрыто, с такой детской радостью, что Вера даже разозлиться на него не смогла. «Мальчишка, — подумала она, выходя из кабинета и торопливо поднимаясь по лестнице на тот этаж, где располагалась кафедра криминологии. — Ладно, пусть порезвится».

На этой кафедре Вера писала диссертацию и проходила все обсуждения; начальник кафедры — известный ученый, автор учебников и множества монографий — пообещал Потаповой взять ее на должность старшего преподавателя, а сразу после защиты сделать доцентом. Разумеется, если будут вакансии. Вакансия старшего преподавателя должна была со дня на день освободиться: занимавший ее сотрудник оформлял пенсию. Вера была уверена, что начальник кафедры выполнил свое обещание и предупредил кадровиков, что под-

полковника Потапову нужно направить именно в его подразделение, и сегодняшней разговор с сотрудником отдела кадров ее изрядно озадачил.

— Ничего не получается, Вера Леонидовна, — развел руками начальник кафедры. — Сами знаете, в министерстве идут кадровые перестановки, министр приводит своих людей, прежние сотрудники вынуждены искать места. А они же там все без ученых степеней, так что их ни доцентами, ни профессорами не назначишь. Только старшими преподавателями. Хорошо, если офицер молодой, тогда можно и просто преподавателем. Но в основном все в возрасте... Мне очень жаль. Но мне приказано взять на эту вакансию человека из министерства. Если бы вы были кандидатом наук, у меня были бы аргументы, почему я хочу взять именно вас. А так у меня аргументов нет, у человека из министерства выслуга и опыт работы в МВД намного больше.

«Глупость какая! — сердито твердила себе Вера, возвращаясь в свой, теперь уже бывший, то есть практически не существующий отдел. — В Академии надо своих сотрудников трудоустраивать, а они все вакансии министерскими людьми позанимали. Впрочем, я сама виновата, затянула с диссертацией, надо было сразу, как только перешла в Академию, браться за дело, а не откладывать. Тогда бы все вопросы решались намного проще».

В отделе царило уныние, отдававшее запахом плесени. Получившие новое назначение

потихоньку приводили в порядок дела, чистили сейфы, уничтожая ненужное, дописывали статьи, обещанные в сборники и журналы. Те, кто новую должность еще не получил, читывали газеты, играли в шахматы, разговаривали по телефону, пили чай... Атмосфера царил гнетущая и в то же время нервно-взвинченная. Все знали, что Веру вызвали в кадры, поэтому, как только она переступила порог, все взгляды устремились на нее.

— Ну что? Что сказали?

— Предложили инспекцию по делам несовершеннолетних в Калининской области. И проживание в общежитии, без предоставления квартиры.

Один из сотрудников, в прошлом — начальник Управления внутренних дел одной из областей, с недоверием посмотрел на Потапову.

— Тебе? Да они что, с ума сошли? Ты же была следователем-важняком в Генпрокуратуре!

Вера пожала плечами. Ему легко удивляться: сам-то получил должность заместителя начальника кафедры на спецфакультете, где обучались иностранцы — работники правоохранительных органов из дружественных стран.

— Кого теперь это волнует? У меня нет ученой степени, а нашему Баранову, кандидату наук, тоже подполковнику, вчера предложили пойти работать участковым. Да, кстати, если кто не знает: на все свободные должности в Академии и в нашем ВНИИ идет мини-

стерский десант. Так что тем, кто еще не трудоустроен, вряд ли что-то обломится.

Надо сказать, что никто из сотрудников особо не суетился с поиском новой работы. Как-то не укладывалось у людей в голове, что их могут вот так просто взять и выбросить за борт, направив в какую-нибудь дыру на самую низовую должность. Так не может быть! И так не будет. Все как-нибудь разрулится, уладится, в министерстве спохватятся и издадут какой-нибудь «хороший», «правильный» приказ... Ну ведь не может же быть, чтобы неожиданно возникшая ситуация закончилась полным прекращением научной деятельности! Это же абсурд!

Очень велик был соблазн забрать домой книги и бумаги, в Академию не ходить и спокойно работать над переделкой диссертации. Но страшно... А вдруг где-нибудь освободится должность, и вспомнят про Потапову, начнут ее искать, не найдут — и тут же вспомнят про кого-нибудь еще. Надо из кожи вон вылезти, но до истечения этих клятых шести месяцев успеть защититься или хотя бы представить диссертацию к защите, потому что неизвестно, что будет потом, а ученая степень — это хоть какое-то подспорье. И работу, если она вдруг появится, упускать нельзя: два месяца с урезанной зарплатой Вера, конечно, протянет, с голоду не помрет, но за ними последуют два месяца вообще без зарплаты, значит, нужно будет создать хоть какой-то финансовый задел. Никаких других источников дохода у нее не было.

Ах, если бы вопрос стоял только о том, чтобы прокормиться! Перед Верой Леонидовной маячила необходимость куда более существенных трат. Во-первых, свадьба Танюшки и Бориса Орлова, назначенная на начало мая: в феврале дети подали заявление во Дворец бракосочетаний. И во-вторых, как только Танюшка перед самым Новым годом переехала к Орловым, Вера решила наконец сделать ремонт в своей однокомнатной квартире. Привести в порядок стены с длинными некрасивыми трещинами, появившимися от усадки дома, поменять обои, перестелить линолеум на кухне, побелить потолок, положить в ванной новый кафель взамен частично отвалившегося старого. Весь январь она активно готовилась, обдирала старые обои, скалывала плитку, искала и покупала материалы, договаривалась с мастерами. И вот теперь оказалось, что всех этих трат она позволить себе не может.

Квартира стояла разоренная и неудобная, Вера постоянно натыкалась на ведра с краской или белилами, рулоны обоев и пачки с плиткой; мебель сдвинута; ее жилище, еще совсем недавно удобное и любимое, превратилось в сарай, в котором невозможно провести лишнюю минуту. Сперва это не казалось страшным, ведь ненадолго же! Теперь выяснилось, что не просто надолго, а вообще неизвестно на сколько. Вера то и дело подумывала о том, чтобы все-таки разобрать вещи и книги, сваленные на столе в комнате, и за-

ниматься диссертацией дома, но каждый раз пугалась: отсутствие на рабочем месте могло обернуться потерей работы. Господи, всего три года до пенсии, надо как-то устроиться и протянуть, и потом можно будет с чистой совестью сидеть дома и нянчить внуков, которые, бог даст, к тому времени уже появятся.

Сотрудники давно разошлись, а Вера Леонидовна все сидела за столом, внимательно читая собственный текст и прикидывая: вот этот абзац можно оставить, вот этот надо выбросить, вместо него написать совсем другое, а вот здесь можно ограничиться редактированием... Когда затрещал телефон, она взглянула на часы и удивилась: начало девятого, кто может звонить в отдел в такое время?

В трубке завибрировал перепуганный голос дочери:

— Мама, Александру Ивановичу плохо, я вызвала «Скорую». Борька на сутках, я одна, мне так страшно! Ты можешь приехать?

Вера тут же все бросила, запихнула материалы в ящик стола, заперла помещение отдела и помчалась ловить такси. На той улице, где располагалась Академия, найти «бомбилу» было малореальным, нужно добежать до Ленинградского проспекта, где поток автомобилей намного интенсивнее и шансы уехать куда выше. Саша, Саша... Допрыгался со своим нежеланием лечить сердце. К врачам ходит редко, никакого постоянного наблюдения, курить не бросает. В больницу не уложишь, в санаторий не загонишь. Хорошо хоть не пьет.

Только бы ничего серьезного! Только бы не инфаркт!

В восемь вечера центральный вход в Академию закрывали, приходилось пользоваться КПП, выходящим на узенький темный проезд, где парковали машины сотрудники: перед центральным входом разрешалось ставить только служебные автомобили руководства. Едва Вера сошла с крылечка на тротуар, ее окликнули из медленно отъезжающих темно-синих «Жигулей».

— Вера! Потапова! Ты в какую сторону? Подвезти?

Она прищурилась, пытаясь в мартовских сумерках рассмотреть лицо водителя — это оказался давно знакомый сотрудник редакционно-издательского отдела, с которым ей пришлось плотно общаться, пока готовился к печати ее так и не пригодившийся автореферат. Обрадовавшись неожиданной удаче, Вера назвала адрес.

— Садись, — кивнул коллега, — мне примерно туда же, сделаю небольшой крюк.

Машину он купил совсем недавно, от вожделения получал колоссальное удовольствие, и Вера Леонидовна знала, что этот человек не только никогда никому не отказывал в просьбах подвезти, но и сам всегда и всем предлагал воспользоваться своими услугами в качестве водителя.

Возле дома, где жили Орловы, Вера оказалась через пятнадцать минут. У подъезда стояла машина «Скорой помощи».

— Это к твоему приятелю? — понимающе спросил коллега.

Вера вздохнула, сердце сжалось от недоброго предчувствия.

— Наверное. Дочка, бедная, перепугана насмерть.

— А если в больницу заберут? В машину могут только одного человека взять, двоих не посадят.

— Значит, я поеду в «Скорой», дочку дома оставлю.

Коллега покачал головой.

— Одну? Она с ума сойдет от тревоги и страха. Вам надо обеим ехать. Вот что: я подожду здесь, не буду уезжать. Если твоего друга заберут, я вас с дочкой хотя бы до больницы доведу. А если обойдется, ты просто выйдешь и скажешь мне, что все в порядке.

— Тебе же домой надо, — засомневалась она. — Мне неловко так тебя припрягать.

— Ерунда, — весело ответил тот. — Я водитель-новичок, мне надо наезд часов обеспечить, так что чем больше я за рулем — тем лучше. А домой я не спешу, жену в санаторий отправил, дети у тещи обретаются. Вот воспользовался ситуацией, на работе сижу подольше, все долги разгребаю, чтобы не стыдно было дела передавать, если нас сокращать начнут.

— Думаешь, начнут? Вы же не научное подразделение, вы кафедры обслуживаете.

— Наверняка начнут. Раз наука не нужна, значит, она и на кафедрах не нужна. Станет

меньше монографий, сборников статей, сама понимаешь. Издавать будем только учебники и методички. Короче, беги, если что — я здесь жду.

— Спасибо тебе!

Дверь в квартиру Орловых была притворена, но не заперта. Вера Леонидовна быстро скинула пальто и сапоги, тапочки надевать не стала и прошла в комнату, из которой доносились голоса. Александр Иванович с закрытыми глазами лежал на кровати, врач — молодой мужчина лет тридцати — считал пульс, девушка-фельдшер разговаривала по телефону:

— Да... Полных лет — шестьдесят... Нет... Подозрение на инфаркт, ИБС... Ага, поняла, в восемьдесят седьмую. Спасибо.

Значит, все-таки госпитализация...

Татьяна стояла в сторонке, вжавшись в стену, дрожащая и растерянная. Увидев мать, бросилась к ней, обняла и заплакала.

— Ну, тише, тише, солнышко мое, тише, успокойся, — прошептала ей в ухо Вера Леонидовна, поглаживая дочь по голове. — Все живы, все обойдется.

Врач отпустил руку Орлова и повернулся к ней.

— Здравствуйте. Вы жена?

— Нет, я... Мать невестки.

— Близкие родственники есть?

— Только сын, но он на дежурстве до утра.

— Понятно, — кивнул врач. — Нужно

— Мы обе поедем, — решительно ответила Вера. — Вы не беспокойтесь, мы сами доедем, вы только скажите куда.

— Сегодня в восемьдесят седьмую отправляют, это в Бескудниково. Найдете?

— Найдём. Внизу нас водитель ждет с машиной, мы за вами следом поедём.

Доктор уселся заполнять какие-то бумаги, а Вера с Татьяной стали торопливо собирать сумку со всем необходимым для пребывания в больнице.

— Ты Борьке сообщила? — спросила Вера.

— Не дозвонилась. В кабинете никто трубку не берет, я уж и в дежурку звонила, говорят: на выезде. Я попросила передать, что у отца сердечный приступ, но не знаю... Может, передадут, а может, забудут.

— Ясно. Надо Люсю найти, сказать ей. Все-таки не чужой человек.

— Ну как я ее найду, мам? — с досадой отозвалась девушка. — Она же на даче живет.

— Ничего, я найду, — усмехнулась Вера Леонидовна. — Собирай вещи, я пока позволю.

В институте, где преподавала Людмила Анатольевна, трубку не сняли, что для девяти вечера было и неудивительно. Вера открыла длинную узкую записную книжку, лежащую в гостиной рядом с телефонным аппаратом, нашла запись: «Андрей и Алла, вахтер». Запись сделана рукой Люсенки, видимо, еще в те времена, когда обе семьи только-только познакомились и начинали тесно общаться. ■

Сама Вера Леонидовна с режиссером Хвылей и его женой никогда не встречалась, знала их только по рассказам Александра Ивановича и Люсеньки. Хорошо бы Андрей оказался в общежитии. Потому что если он сейчас с Люсей, то совершенно непонятно, как их искать. Она, Вера, конечно, заявила дочери, что найдет жену Орлова, но это было сказано больше для того, чтобы успокоить Таню. Сама Вера Леонидовна отнюдь не была уверена в успехе.

Но ей повезло, вахтерша согласилась позвать Хвылю к телефону, и уже через несколько минут в трубке зазвучал мужской голос. Услышав, что нужно срочно найти Люсю и привезти ее в больницу, Андрей Викторович заверил, что все понял и постарается все устроить. Голос у него при этом был напряженный и недовольный.

«Кажется, я сделала глупость, — подумала Вера, — Андрей дома, значит, дома и его жена. Как он ей объяснит внезапное решение куда-то ехать? Тем более что машины у них нет, и чтобы сейчас быстро добраться до дачи, ему нужно искать кого-то, кто его отвезет, или, опять же, ловить «частника». А какой «частник» в десятом часу вечера согласится пилить за город? Если сказать Алле правду про Орлова, она может вызваться ехать вместе с мужем. Ей-то нормально, а вот Люсе и самому Хвыле какво придется? Если решит соврать, то наживет кучу проблем, потому что Орлов постоянно общается с Аллой, и она не про-

стит, когда узнает, что его забрали в больницу, а ей ничего не сказали. Короче, напортачила ты, Вера Леонидовна. Как слон в посудной лавке... Но, с другой стороны, нельзя не поставить Люсеньку в известность. А вдруг что? Вдруг самое плохое?»

Фельдшер сбегала вниз, привела водителя, Орлова осторожно вынесли на носилках и загрузили в «Скорую», Вера с дочерью сели в темно-синие «Жигули», стоявшие рядом.

Дорога, волнение, плач Танюшки, оформление больного в приемном покое, бледное, бескровное лицо Александра Ивановича — все слилось в единый вязкий поток, в конце которого стояло так пугающее Веру слово «реанимация». О порядках в больницах Вера Потапова была неплохо осведомлена и по-настоящему испугалась, когда врачи не стали отправлять ее домой, а разрешили посидеть в коридоре возле приемного покоя. Значит, медики не исключают «самого плохого» развития событий.

Татьяна уселась рядом, приткнула голову к плечу матери.

— Зря ты поехала со мной, — сказала Вера Леонидовна. — Тебе завтра на работу. Может, вернешься домой, пока автобусы еще ходят и метро не закрылось?

— Метро закрывают в час ночи, я еще посижу, может, какая-то ясность наступит, — пробормотала Таня. — Пусть хоть тетя Люся приедет, тогда я буду спокойна, что ты тут не одна.

Так они и сидели, обнявшись и тихонько переговариваясь, пока не появилась Людмила Анатольевна. Увидев ее, Вера тут же выпроводила дочь, взяв с Татьяны клятвенное обещание дома сразу же выпить горячего чаю и лечь спать. И ни в коем случае не плакать.

— Ты тоже поезжай, Веруня, — устало проговорила Людмила Анатольевна, выслушав отчет о ситуации: по результатам ЭКГ пока нет ясности — то ли приступ стенокардии, то ли все-таки инфаркт. — Что тебе здесь высиживать?

— Ну как я тебя одну оставлю...

— Мне одной легче, поверь. Хочется помолчать, подумать, а если кто-то рядом, то я буду чувствовать, что обязана поговорить с человеком. Он же остался ради меня, значит, я должна соответствовать... Правда, Веруня, поезжай домой.

Вера взглянула на часы: пять минут первого, еще можно успеть на метро, если повезет с автобусом. Ни на каких «частников» в такое время и в этой части города рассчитывать уже не приходится. «В крайнем случае вернусь сюда, побуду с Люсей, если не получится уехать вовремя», — подумала она.

Ей пришлось долго петлять между домами в темноте, то проваливаясь в непролазную грязь, то оскальзываясь на еще не растаявших обледеневших участках. Пару раз она чуть не упала, но удержала равновесие и, в конце концов, добралась до автобусной остановки.

Возле шеста с табличкой топтались двое: девица лет семнадцати-восемнадцати, пританцовывающая в такт какой-то музыке, видимо, звучащей у нее в голове, и мужчина средних лет с зажженной сигаретой. Девушка показала Вере случайным человеком, а вот мужчина больше походил на местного жителя, хорошо знающего транспортные особенности района.

— Как вы думаете, есть шанс успеть на метро? — обратилась к нему Вера.

Мужчина равнодушно пожал плечами.

— Не в курсе. Я здесь в первый раз. Вот девушка уверяет, что должен пройти еще один автобус. Говорит, что всегда на нем уезжает и успевает до закрытия метро.

Значит, Вера ошиблась и постоянным пассажиром оказалась именно девушка...

— Я уже почти полчаса жду, — продолжал мужчина, выдохнув дым после очередной затяжки, — так что, наверное, скоро автобус все-таки будет. По теории вероятности.

— Теория вероятности с нашим муниципальным транспортом не срабатывает, — усмехнулась Вера. — То за целый час ни одного автобуса, то три-четыре подряд, чуть ли не колонной идут. Говорят, водители в автопарке чай пьют, в карты играют, а потом дружно встают, рассаживаются по машинам — и в рейс. Не знаю, правда это или нет, но, судя по тому, как ходят автобусы, — очень похоже.

Мужчина сделал несколько шагов в сторону, чтобы бросить окурок в урну, и Вера невольно улыбнулась: не швырнул на землю, ■

как делает большинство, сознательный, уважает чистоту и чужой труд.

Минут через пять пришел почти совсем пустой автобус, Вера вошла в салон и села у окна. Мужчина садиться не стал, ехал стоя, и теперь она могла при свете как следует рассмотреть его. Приятное лицо, но очень обыкновенное, ничего выдающегося. Недорогая куртка, такие во всех магазинах продаются, мохеровый шарф в красно-синюю клетку. Мужчина перехватил ее взгляд, улыбнулся, подошел и присел рядом.

— Вы явно расстроены, — заметил он, — и столь же явно, что вы впервые уезжаете из этого района в такое позднее время. Позвольте, я угадаю: у вас недавно начался роман, сегодня вы приехали к своему возлюбленному, но что-то не сложилось, вероятно, вы поссорились и решили не оставаться у него на ночь.

— Почему обязательно поссорились? — удивилась Вера.

Ей почему-то было приятно, что она выглядит как женщина, с которой еще можно завести роман. Да, она всегда была красивой и знала об этом, и выглядела моложе своего возраста, но все равно пятьдесят два года не спрячешь под маской двадцати пяти лет. Ей можно было дать сорок семь, ну, сорок пять, но уж никак не меньше.

— Если бы не поссорились, он бы вас проводил и вы не стояли бы на остановке в такое время в одиночестве. Ну что, я угадал?

— Нет, — рассмеялась Вера. — Совсем не угадали. Но в одном вы, безусловны, правы: ситуация действительно сложилась неожиданно. Провести вечер я планировала совсем не так.

— В нашей жизни вообще много неожиданного. Вы когда-нибудь задумывались над тем, какая тонкая, практически незаметная, невидимая грань отделяет один период нашей жизни от другого? Вот только что наша жизнь была такой, и вдруг происходит некое событие, которое мы даже не осознаем как решающее, и только спустя какое-то время вдруг понимаем, что после него наше существование кардинально поменялось.

«Да уж! — подумала Вера. — Когда-то Андропов не нашел взаимопонимания с Брежневым. В результате я осталась без работы. Как там было в миниатюре кого-то из юмористов? «Болит голова, а укол делают в ягодницу. Подумать только: какая связь?»

— Согласна, — кивнула она собеседнику. — Причем событие это может происходить даже и не в нашей жизни, а в чьей-то другой.

— Ну, это уже философский вопрос о роли личности в истории. Так высоко я не замахиваюсь. Я сейчас говорю о самых обыденных вещах. Например, о беременности в результате случайной связи. Или о внезапной тяжелой болезни кого-то из близких.

«Насчет болезни — это точно, — мысленно ответила Вера Леонидовна. — Особенно остро это начинаешь понимать, когда приво-

зишь кого-то в больницу. Еще полчаса назад жизнь была совсем другой, человек строил планы на отпуск или, как я, думал о ремонте и свадьбе дочери, а теперь вынужден думать о возможных похоронах».

Она сама не заметила, как легко втянулась в разговор, который показался ей спасительным. Думать о Саше Орлове было больно, о ремонте — муторно, о Танюшкиной свадьбе — тревожно, о грядущем безденежье и туманных перспективах трудоустройства — страшно. Опомнилась Вера Леонидовна только в метро, услышав из динамика: «Осторожно, двери закрываются, следующая станция «Павелецкая». Оказывается, они с неожиданным спутником проехали половину Кольцевой линии.

Что происходит? Почему она все еще разговаривает с этим незнакомцем? Ему с Верой по пути? Или он ее провожает?

Вера Леонидовна уставилась на мужчину непонимающими глазами. Он только что сказал что-то о Шопенгауэре, а она отвлеклась на свои мысли и прослушала. Да, верно, они говорили о свободе воли, а до этого — о соотношении социального и биологического в поведении человека.

На «Павелецкой» Вере нужно было делать пересадку. Попутчик вышел следом за ней, не прерывая разговора о том, насколько генетическая предрасположенность может повлиять на способность человека выполнять принятые решения. Вера собралась было

спросить, до какой станции ему нужно доехать, но внезапно поняла, что не хочет этого знать. «Если ему по пути со мной, то и хорошо. А если выяснится, что он меня провожает, то мне придется как-то отреагировать, дать понять, что мне это нравится или не нравится. Не хочу. Надоели эти игры. Все надоело. Диссертация оскомину набила, меня от нее уже тошнит. Разоренная квартира надоела. От подвешенного состояния на службе — судороги. От мыслей о деньгах — паника. Не хочу. Пусть будет мужчина, который решил поздно ночью проводить меня домой. Умный, интеллигентный, приятный. Пусть. Даже если окажется, что ему всего лишь по пути. По идее я должна его бояться. Мужчина, в ночное время втирающийся в доверие к одинокой женщине, вполне может оказаться грабителем или аферистом. Насильником — маловероятно: одно из преимуществ моего возраста состоит в том, что риск стать жертвой изнасилования многократно уменьшается. А вот риск стать потерпевшей от грабежа, наоборот, возрастает: преступники стараются обычно выбрать жертву, которая не окажет существенного сопротивления. Но даже если так — что у меня возьмешь? В кошельке три рубля. В квартире тоже ничего ценного, разве что стройматериалы, но они грабителей интересуют меньше всего. Им нужны деньги и ювелирка. Этим у меня, пожалуй, не разживешься. Не хочу об этом думать. Не хочу. И не буду. Здесь и сейчас я просто красивая ■

женщина, с которой разговорился симпатичный незнакомец».

Она так ничего и не спросила, просто продолжила обсуждать работы академика Дубинина, на которые опиралась в своей диссертации. Вагон поезда был совершенно пуст, ни одного пассажира, кроме них. Из-за грохота колес приходилось или повышать голос, или разговаривать, сблизив головы. Вагон качало, они то и дело касались друг друга плечами, и во всем этом Вере чудилась некая интимность, которая почему-то раздражала. Она даже поймала себя на том, что начинает сердиться.

Доехав до нужной станции, поднялись на эскалаторе, вышли на улицу.

— Куда теперь? — спросил мужчина.

Значит, все-таки провожает... Ну и славно. И очень кстати: во втором часу ночи Вера не рискнула бы ходить по своему району одна.

— Теперь пешочком минут двадцать, троллейбусы уже не ходят.

Тротуары были скользкими, и Вера ждала, что незнакомец предложит взять его под руку, но он не предложил, просто шел рядом, увлеченный беседой. Внезапно в голову пришла мысль: если этот человек живет не здесь, а в другом районе города, то как он собирается попасть домой? Надеется поймать такси? Но если у него есть лишние деньги, то почему он полчаса мерз в Бескудниково на остановке с риском опоздать на последний поезд метро?

Вера Леонидовна не успела додумать мысль до конца, потому что они подошли к ее подъезду.

— Пригласите? — спросил незнакомец.

И Вера с ужасом и растерянностью вдруг поняла, что именно этого и ждала. И хотела этого. Потому и сердилась, и раздражалась. Не на попутчика этого она сердилась, а на саму себя, на свои странные и такие неуместные побуждения и скрытые желания. Нет, ей не нужен был мужчина, и гормоны тут совершенно ни при чем. Ей не нужен был секс, от которого она изрядно подустала за годы своего последнего романа. Костя был замечательным, но ему нужна была жена, он хотел полноценную семью и детей, а Вера Потапова в роли его супруги себя не видела, да и детей рожать поздно. С Костей они расстались мирно, и сейчас он уже живет с молодой женщиной, которая готова стать его женой и матерью его деток.

И даже душевное тепло — это не то, ради чего она готова впустить в свой дом незнакомца.

Ей нужна ситуация. Обстоятельства. Другая картина мира. Другая сторона жизни. Что-то совсем не похожее на диссертацию, работу, болезни и больницы, безденежье. Ей нужно хотя бы на два часа перестать быть подполковником милиции Верой Леонидовной Потаповой, старшим научным сотрудником, матерью невесты и хозяйкой неотремонтированной квартиры.

— Приглашу, — кивнула она. — Если вы не боитесь разрушенного жилья. Я ремонт затеяла, но пока все застопорилось.

— Мы никого не побеспокоим?

Вера насмешливо посмотрела на него: опомнился! Раньше надо было спрашивать... Ну что ж, если он и вор или грабитель, то ему ясно дали понять, что брать в квартире нечего, кроме ведер с краской и обоев в рулонах.

— Вы ведь и без того уверены, что я живу одна, — ответила она, открывая дверь подъезда. — Между прочим, я даже имени вашего не знаю, а вы — моего.

Он шагнул следом за ней, взял за плечи, развернул к себе и крепко обнял.

— А так даже лучше, — прошептал он Вере в самое ухо. — Познакомиться мы всегда успеем.

«Ну вот, — подумала Вера, — все быстро и просто. Я совсем ничего о нем не знаю: ни как его зовут, ни чем он занимается, ни где живет. В Москве? Или приезжий, которому негде переночевать?»

Пока поднимались в лифте, она прислушивалась к себе, пытаясь уловить признаки возникновения той самой «химической реакции между мужчиной и женщиной», о которой так много написано в книгах. Никакой химии, никакой тяги к нему она не ощущала. Только огромную усталость и оглушительное желание убежать из повседневной серости в яркую картинку.

Она не зажгла свет в прихожей: едва они переступили порог квартиры, Вера оказалась в его объятиях. Она вдыхала чужой запах тела, чувствовала на себе чужие руки, торопливо, но довольно ловко раздевающие ее, слышала чужое дыхание и не переставала удивляться своему безразличию. Она впустила в дом незнакомого мужчину, она позволяет ему себя обнимать и целовать и даже собирается лечь с ним в постель, не зная о нем ровно ничего, кроме того, что он умный и интересный собеседник. Она что, с ума сошла? А если он маньяк, специализирующийся как раз на дамах предпенсионного возраста? Тогда он ее просто убьет. Ну и пусть. Как будет — так и будет. Хорошо, что темно. Света из окон вполне достаточно, чтобы дойти до дивана и ни обо что не споткнуться. Хорошо бы, конечно, принять душ, но тогда придется включать электричество, и все рухнет.

* * *

Серая промозглость рассвета постепенно заполняла комнату, делая предметы хорошо видимыми. «Как фотобумага под действием проявителя», — подумала Вера, лежавшая с открытыми глазами рядом с мужчиной, с которым провела ночь, но имени которого так и не узнала. Мужчина спал крепко, и во сне его худощавое тонкое лицо казалось осунувшимся и недовольным.

Она тихонько вылезла из-под одеяла и направилась в ванную. Долго смотрела на себя в зеркало, пытаясь понять, может ли она все еще быть по-женски привлекательной. Не придя ни к какому решению, встала под душ, намылила шампунем волосы. Хотелось смыть с себя то, что произошло.

Яркой картинкой не получилось. Нет, мужской силой незнакомец обделен не был, и в этом смысле все выглядело вполне достойно. Достойно, но очень обыкновенно. И скучно. Желание в Вере так и не проснулось, но она умело изобразила все, что требуется по сценарию. Она надеялась, что хотя бы сама ситуация отвлечет ее. Ничего не вышло.

Она вытерлась, высушила короткие волосы феном, накинула халат и пошла на кухню варить кофе. «Буду милой, накормлю завтраком и выпровожу. И никаких «запиши телефон». Даже имя не спрошу, надеюсь, что он и сам не полезет знакомиться. Не надо мне всего этого», — решила Вера Леонидовна.

За время, которое она провела в ванной, в квартире стало заметно светлее: оказалось, что под душем она простояла очень долго. Вере хотелось выпить первую чашку кофе в молчаливом одиночестве, но мужчина, уже одетый, появился на кухне как раз в тот момент, когда шапка пенки стала подниматься над краями джезвы.

А. Маринина

— И как тебе моя разруха? — спросила
■ Вера, не оборачиваясь, чтобы не упустить

кофе. — Впечатляет? Сейчас скажешь, что если бы знал, не пошел бы?

— Нормально, — откликнулся он. — Я сам не в хоромах живу. Девять метров на троих, общежитие. Между прочим, с добрым утром. И между прочим, меня зовут Андрей.

Вера резко поставила джезvu на деревянную разделочную доску, часть кофе выплеснулась и стала стекать на стол. Руки затряслись, дыхание перехватило.

Андрей. Общежитие. Девять метров на троих.

Теперь все сложилось. Вот почему она, как ни заставляла себя, так и не смогла накануне испугаться: она узнала голос. Она же буквально за три часа до этого разговаривала с ним по телефону. Узнала, но не осознала этого. Просто весь ее мозг настроился на то, что этот человек — знакомый и потому бояться его не нужно.

Андрей Хвыля привез Люсю в больницу на ее машине. И Люся отправила его домой, точно так же, как отправила и Веру: ей хотелось побыть одной. Поэтому Андрей и оказался на той остановке.

— Что с тобой? — с тревогой спросил он. — Обожглась? Или что-то не так?

Она медленно села за стол, обхватила себя руками.

— Все в порядке.

Помолчала и добавила:

— Меня зовут Вера. Я подруга Люси. Не самая близкая, но очень-очень давняя. Это ■

я тебе звонила вчера в общежитие. Моя дочь собирается замуж за Люсиного сына. Надеюсь, ты понимаешь, что тебе лучше уйти прямо сейчас. Кофе не предлагаю.

Он замер на мгновение, сделал шаг назад, потом буквально рухнул на табурет, стоящий у стены, а не возле стола.

— Не может быть...

Голос его был слегка осипшим то ли он волнения, то ли после сна.

— Может. Если ты боишься, что я расскажу Люсе, то напрасно. Эта история меня не украшает, так что делиться впечатлениями я ни с кем не собираюсь. Господи, — она сжала виски ладонями, — переспать с любовником своей подруги! Трудно вообразить что-нибудь более пошрое. Уходи, Андрей. Будем надеяться, что нам никогда больше не придется столкнуться.

Он попытался улыбнуться, но губы судорожно скривились, отчего тонкие черты его лица приобрели вид некрасиво изломанных линий.

— А если Люся захочет нас познакомить? Как тогда?

— До сих пор не хотела, — сердито ответила Вера. — Хотя от мужа ушла полгода назад. А к тебе пока так и не пришла. И, как я понимаю, теперь уже вряд ли придет.

— Почему? Потому что я сволочь и бабник?

— Нет, не поэтому. Просто потому, что ты сам этого не хочешь. Хотел бы — давно уже

объяснился бы с Аллой. А ты продолжаешь с ней жить. Кстати, как тебе удалось не ночевать сегодня дома?

— Я смотрю, ты полностью в курсе наших дел. — Андрей уже почти овладел собой, справился с ударом и даже пытался язвить. — Впрочем, Люся с Сашей рассказывали о тебе, говорили, что ты был следователем, так что ничего удивительного. Я сказал Алле правду. Сашу Орлова увозят в больницу, мне нужно разыскать Люсю и привезти ее туда. Когда вернусь — не знаю, по ситуации.

Вера испытала непонятное облегчение. Она даже смогла распрямить спину и посмотреть в глаза своему случайному любовнику.

— Знаешь, ты не сволочь. И ты не бабник. Ты просто идиот.

— Любопытный вывод. И из чего он следует?

— Я думаю, ты узнаешь это сегодня же вечером. Или даже днем. Твоей жене достаточно позвонить Люсеньке, чтобы узнать, как дела у Саши, и тут же выяснится, что ты ушел из больницы еще до полуночи. И к часу ночи должен был быть дома. Ладно, это не мое дело. Уходи.

Хвыля молча вышел в прихожую. Через минуту хлопнула входная дверь. Вера так и сидела за столом.

«Кофе, наверное, остыл, — равнодушно подумала она. — Надо сварить новый. Одеваться и идти на работу. Не хочу. Не пойду. ■

Нечего мне там делать. Нечего... А диссертация? Нет, придется идти. Каждый день дорог».

Она то и дело посматривала на часы, чтобы не упустить момент, когда можно будет позвонить Танюшке: дочь любила поспать, но зато собиралась быстро, и будильник у нее звенел за двадцать минут до выхода из дома. Этих двадцати минут ей хватало на то, чтобы умыться, одеться и на ходу сжевать бутерброд. После переезда к Орловым Татьяна начала подниматься за час до выхода, чтобы приготовить мужчинам завтрак, но сегодня она одна: Саша в больнице, Борис на дежурстве, раньше одиннадцати утра дома не появится. Значит, девочка будет спать до упора. Конечно, маловероятно, что у Танюшки есть какие-то новости. Если что — Люся позвонила бы в первую очередь Вере, а не своей будущей невестке. Раз ночью звонка от Люси не было, значит, все более или менее.

Она рассчитала правильно: успела поймать Татьяну дома и выяснила, что Людмила Анатольевна только что звонила. У Орлова очаговый инфаркт, сегодня его переведут в отделение кардиологии, в палату интенсивной терапии, куда по идее его должны были положить еще вчера, при поступлении в больницу, но возникли какие-то проблемы технического характера не то с отоплением, не то с электро-снабжением, поэтому его поместили в отделение реанимации.

— Объяснили бы все толком сразу, я бы хоть не так испугалась, — со злостью говорила в трубку Таня. — У меня от одного слова «реанимация» обвал сознания начинается, а «интенсивная терапия» все-таки не так страшно, потому что терапия же.

Вера попыталась заступиться за медиков:

— Солнышко, когда по «Скорой» привозят тяжелого больного, врачи в первую очередь думают о том, как спасти его жизнь, а не о чувствах родственников, и это совершенно нормально. Как ты вчера добралась? Без приключений?

Вопрос был с подвохом. Сначала в больницу приехала Люся со своим режиссером, потом, спустя минут десять, оттуда ушла Таниюшка. То есть Хвыля должен был оказаться на остановке в любом случае раньше девушки. Так почему же получилось, что Вера застала на остановке Андрея, а Тани там не было? На чем она уехала, если Хвыле пришлось ждать автобус полчаса? Вера Леонидовна, конечно, предполагала, что Таня опять «голосовала», несмотря на постоянные напоминания матери о том, что поздно ночью молодой женщине просто опасно садиться в машину к случайному водителю. Но было любопытно узнать, признается ли дочь.

— Попутку поймала, — ответила Татьяна. — Повезло, что лишний рубль заваялся. Но я только до метро, честное слово.

— Бить тебя некому, — вздохнула Вера. — Говоришь тебе, говоришь, предупреждаешь — ■

как об стенку горох. Боря нашелся? Ты ему сказала?

— Да, ему дежурный, оказывается, все-таки передал, что я звонила. Борька сутки «сдаст» и поедет к отцу. А я после работы вечером подъеду.

— Какой смысл ему ехать? Его все равно не пустят ни в реанимацию, ни в интенсивную терапию.

— Он хочет с доктором сам поговорить, — пояснила Таня. — Тете Люсе не верит, и мне тоже. Ты же знаешь Борьку, он изначально убежден, что женщины обязательно что-то напутают или неправильно поймут. Он вечно за мной все перепроверяет. Мамуля, я побежала, а то опоздаю.

Вера положила трубку и скупо улыбнулась. Вот такой он, Борис Орлов... И дело совсем не в том, что он предвзято относится к женщинам, отнюдь. Вера сама много лет была следователем и прекрасно знает по себе, как быстро формируется привычка ничего не воспринимать и ничему не верить «с чужих слов». Есть даже такое понятие в теории доказательств, как «непосредственность восприятия». Следователь должен увидеть и услышать все сам.

А. Маринина
Настроение стало лучше. Саша жив, и угрозы жизни на данный момент нет, хотя положение серьезное, как передала Татьяна. Вера оделась, тщательно нанесла макияж ■ и вышла из квартиры.

На лестничной клетке, на подоконнике одним пролетом ниже, сидел Андрей. Почему-то ей даже в голову не приходило, что он может не уйти. Когда складывается такая странная и не очень элегантная ситуация, ее участники обычно спешат как можно скорее покинуть место событий и унести ноги подальше. Увидев Веру, Хвыля встал и легко взбежал вверх по ступеням.

— Извини, один вопрос, можно? Я не задержу тебя надолго.

— Давай, — кивнула она недовольно, — только быстро, у меня мало времени.

— Скажи... Вернее, представь, что Люся нас с тобой все-таки знакомит. Ну, допустим, так сложится помимо нашей воли. Как бы ты себя чувствовала? Какие мысли были бы? Какие ощущения?

Вера пожала плечами.

— Станный вопрос... Не знаю. Мне не приходилось бывать в подобных обстоятельствах.

— Что касается меня самого, то про себя могу более или менее точно спрогнозировать, что буду думать и чувствовать, — продолжал он, не замечая, как в глазах Веры Леонидовны загорается недобрый огонек. — А вот женщина... Твоего возраста и статуса... Никак не могу поставить себя на твое место, не получается.

Как все оказалось просто! Случившееся ночью и утром для режиссера Андрея Хвыли станет материалом для будущего спектакля. ■

Пьесу ему напишет его дружок Рустамов, о котором супруги Орловы много рассказывали. А может быть, Андрей и сам напишет, с него станется. Только вот женскую роль ему трудно прописать. Консультант понадобился.

Она резко отшатнулась и шагнула к лифту. Нажала кнопку вызова и процедила сквозь зубы:

— Если ты посмеешь это сделать, я тебя сгною. Вместе с твоим другом-драматургом. Как говорится, был бы человек, а статья найдется.

— Ты не...

Конец фразы обрубил автоматически сдвинувшиеся створки двери лифта.

* * *

«Умирать не хочется...»

«Пусть эта невыносимая боль в груди уже как-нибудь закончится, все равно как...»

Какая из этих двух мыслей была ярче и интенсивнее, Орлов не мог вспомнить, как ни силился. Они жили в нем одновременно, переплетаясь и перепутываясь, до тех пор, пока под действием препаратов не ушел болевой синдром. Тихий давящий ужас, который охватил Александра Ивановича в момент приступа, сменился вялым раздражением от собственной беспомощности, к которой он не привык. Нельзя вставать. Нельзя сидеть в постели, можно только лежать пластом

и не шевелиться. Нельзя курить. Ничего нельзя. Даже в туалет сходить. «Неужели теперь так будет всегда?» — обреченно думал Орлов, лежа на койке сперва в реанимации, потом в палате интенсивной терапии. Беспомощность пугала не только тем, что он превратится в обузу для своих близких, но и униженностью, как ему казалось, самой ситуации: женщины-санитарки подкладывают ему судно. «Лучше бы я умер, — то и дело мелькало у него в голове. — И зачем только меня откачали?»

На третий день врач сказал:

— Если все будет нормально, завтра переведем вас в общую палату, а на сегодня я назначаю вам клизму, нужно очистить кишечник, а тужиться вам нельзя ни в коем случае.

Орлова охватило отчаяние: еще и это! В палате четыре койки, все заняты, кому-то из больных ставили клизму вчера, кому-то позавчера, вот теперь и его очередь подошла пройти эту отвратительную процедуру на глазах у соседей. Впрочем, когда клизму ставили другим, Александру Ивановичу было все равно, потому что надо так надо, и не испытывал никаких эмоций. Он вообще не понимал, как можно реагировать на такое, когда еще гнездится в уголке сознания, теплится недавно пережитый страх смерти, подает голос при каждом вдохе — «А вдруг сейчас опять выскочит из-за угла эта чудовищная нестерпимая боль?» — и трепещет ■

при каждом выдохе: «Слава богу, на этот раз обошлось».

Однако другие — это другие. А вот ему самому происходящее казалось унижительным, он стеснялся и мучился. Но чувства эти были какими-то тусклыми, не острыми. У него не было сил даже на эмоции.

После трех суток в палате интенсивной терапии Александра Ивановича перевели в обычную палату в отделении кардиологии.

— Не меньше трех недель придется полежать у нас, а то и месяц, — строго изрекла лечащий врач — симпатичная и очень серьезная женщина в возрасте «чуть за тридцать». — Потом вас перевезут в кардиологический санаторий.

— А после санатория? — по-детски нетерпеливо спросил Орлов. — Можно будет начинать жить обычной жизнью?

— Ну, это вы поторопились, — скупой улыбнулась кардиолог. — Реабилитация займет около полугода, и только при условии жесткого соблюдения режима. Четыре месяца на больничном пробудете, потом понемножку можно начинать работать. Никаких нагрузок, ни физических, ни эмоциональных. Волноваться нельзя категорически. А пока — лежать, лежать и еще раз лежать. Даже садиться в постели я вам разрешу не раньше чем на пятый день.

В первый момент ответ врача огорошил Орлова, но уже через минуту Александр Иванович, к собственному удивлению, понял,

что испытывает облегчение. Можно никуда не ходить, ни с кем не разговаривать, ничего не делать. Не сидеть в консультации на приеме, не принимать защиту, не выступать в суде, не писать кассационные жалобы на приговоры. Просто лежать и думать.

Думать о своей жизни. О скорой свадьбе Бориса и Танюшки. О будущих внуках. Об Алле и ее сыне.

И о Раевских, семья которых за последние два месяца стала ему знакомой и почти близкой. Остро ощущая собственную беспомощность, Александр Иванович вдруг стал постоянно вспоминать настоящего Сашу Орлова, тяжело раненного, лежащего в лесу, такого же беспомощного и слабого. А если бы Саша выжил? Прошло сорок лет. Сашка мог бы их прожить. Интересно, как сложилась бы его жизнь? Закончил бы юридическое образование и стал адвокатом, как и мечтал? Или занялся бы чем-то другим? На ком женился бы? Каких детей воспитал? Саша Орлов, потомок Гнедичей и Раевских...

Александр Иванович с присущей ему тщательностью изучил все собранные Люсей материалы, прочитал каждый документ по нескольку раз, все время вспоминая странную записку, переданную приехавшей из Парижа Анной Коковницыной, и примеряя текст к тому или иному событию в жизни семьи. Кто написал эту записку? Кто ее хранил? И зачем? Каким образом она попала к Коковницыным? Имеет ли она